

О КОНВЕРСИИ И ФЛЕКТИВНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

ВАЙДОТАС АНГЛИЦКАС

По своим структурным особенностям все производные слова могут быть подразделены на образованные при помощи словообразовательного суффикса и без него. В так называемой безаффиксальной деривации (конверсии или флективном словообразовании) многие лингвисты вслед за А. И. Смирницким [1953, 1956] в качестве словообразовательного средства рассматривают словоизменительную парадигму. Соглашаясь в принципе с таким пониманием сущности рассматриваемых способов словопроизводства, Е. С. Кубрякова [1974] указывает, что словообразовательные отношения у производящей и производной основ в таком безаффиксальном словообразовании в разных языках характеризуются одним и тем же явлением — сменой морфологического окружения. Такой подход по сути дела не делает различия между конверсией в английском языке и флективным словообразованием¹ в языках флективного типа (русском, литовском и др.).

С целью выявления обоснованности такого подхода, выявления роли словоизменительной парадигмы в конверсии, с одной стороны, и в флективном словообразовании, с другой, в настоящей работе сравниваются отглагольные существительные английского и литовского языков.

Существенной особенностью английского языка, как известно, является материальное совпадение основы и назывной формы слова. В результате этого общекатегориальное значение части речи в основе является четко выраженным и не зависит от того, имеет словоформа окончание или нет. Поэтому смену парадигмы слова, связанной с изменением его синтаксических связей, логичнее рассматривать не в качестве словообра-

¹ Под конверсией мы, как и авторы большинства посвященных ей работ, понимаем образование глаголов или существительных от слов других частей речи без материального расширения производящей основы посредством присоединения деривационного аффикса или флексии. Термин „флективное словообразование“ вслед за В. Урбутисом [Urbutis, 1978] и некоторыми другими лингвистами мы берем для обозначения такого словопроизводства, в котором в качестве единственного словообразовательного средства (форманта) используется флексия (словоизменительная парадигма).

озовательного средства, а как следствие уже происшедшего семантического переосмысления (транспозиции) основы, требующего соответствующего морфологического оформления. На это указывает и возможность такой конверсии, когда словоизменительная парадигма вообще отсутствует. Напр.: *must* v „должен” — *must* n „то, что должно быть сделано”².

Деривационное значение производных, образованных способом конверсии, выявляется из словообразовательной оппозиции и не требует формального выражения внутри них. Это значение не может быть отнесено на счет словоизменительной парадигмы, выполняющей здесь только функцию словоизменения, так как окончание в исходной (назывной) форме вообще отсутствует. Словообразовательным средством — носителем деривационного значения не является и такое материальное изменение безаффиксальной производной основы, как чередование звуков или изменение места ударения. Они представляют собой формальные элементы, способствующие образованию контраста между производным и производящим словами, более четкому выражению словообразовательной оппозиции [Urbutis, 1978], но никаких новых по сравнению с обычной конверсией значений в производное не вносят и в качестве самостоятельного способа словообразования рассматриваться не могут. Об этом свидетельствует сравнение значений производных, образованных посредством конверсии без изменения акцентно-морфонологического строения основы, с безаффиксальными производными, где такое изменение имеет место. Как первые, так и вторые могут иметь следующие значения.

1. Абстрактного понятия, связанного с действием, обозначенным мотивирующим глаголом, отвлеченного названия действия или отдельного акта действия:

<i>fall</i> v „падать”	— <i>fall</i> n „падение”,
<i>jump</i> v „прыгать”	— <i>jump</i> n „прыжок”,
<i>in'crease</i> v „увеличиваться”	— <i>'increase</i> n „увеличение”,
<i>use</i> /z/ v „использовать”	— <i>use</i> /s/ n „использование”.

2. Агента действия, лица, инструмента, прибора:

<i>help</i> v „помогать”	— <i>help</i> n „помощник”,
<i>switch</i> v „переключать”	— <i>switch</i> n „переключатель”,
<i>advocate</i> /ei/ v „защищать”	— <i>advocate</i> /i/ n „защитник”,
<i>tease</i> v „дразнить”	— <i>tease</i> n „задира”.

3. Объекта или результата действия:

<i>tear</i> v „рвать”	— <i>tear</i> n „дыра, прореха”,
<i>purchase</i> v „покупать”	— <i>purchase</i> n „покупка”,
<i>advise</i> /z/ v „советовать”	— <i>advice</i> /s/ n „совет”,
<i>prove</i> /v/ v „доказывать”	— <i>proof</i> /f/ n „доказательство”.

² Этот и другие примеры конверсии неизменяемых слов приводятся Ю. А. Жлуктенко (1978).

4. Места действия:

<i>leak</i> v „давать течь”	– <i>leak</i> n „течь, утечка”,
<i>drive</i> v „вести, ехать”	– <i>drive</i> n „дорога”,
<i>forge</i> v „ковать”	– <i>forge</i> n „кузница”,
<i>abide</i> v „жить”	– <i>abode</i> n „жилище”.

Как в литовском, так и в английском рассматриваемые безаффиксальные производные могут иметь параллельные суффиксированные образования. Ср. англ. *to refit* „снаряжать, заново, ремонтировать” – *refit, refitment* „починка, ремонт”; *to tease* „дразнить, надоедать” – *a tease, teaser* „любитель поддразнить, задира”; *to leak* „давать течь” – *leak, leakage* „утечка, течь”; лит. *gyliuoti* „рыскать, беситься (в летнюю пору от оводов)” – *gylius* (флексия -ius), *gyliava* „бегание от оводов” (суффикс -ava); *dvokti* „вонять” – *dvokas* (флексия -as), *dvokimas* (суффикс -imas) „вонь” и т. д.

Из-за отсутствия материального тождества основы и основной формы слова во флективном языке основа лишена общекатегориальной определенности, поэтому в структуре слова языка этого типа флексия выполняет более значительную роль, чем функция словоизменения в английском языке: она вносит эту определенность и, по выражению И. П. Ивановой [1969], „делает не-слово словом”. В языке флективного типа суффикс в качестве форманта обычно выступает только в сочетании с определенной парадигмой словоизменения и в лингвистической литературе приводится вместе с флексией исходного члена парадигмы. Напр.: русские деривационные суффиксы -ств/о/, -от/а/, -нщ/а/, -нщ/е/, -ух/а/, -ул/я/, -аг/а/, литовские -elis, -ytis, -ulis, -okas, -yba, -uotė, -umas, -ystė, -ūnas и т. д.

Но, как отмечает И. П. Иванова, в этих языках „словореализующая функция словоизменительной морфемы выступает независимо от наличия или отсутствия словообразовательного аффикса. Оказывается, для реализации слова важнее словоизменительная морфема, чем словообразовательный аффикс” [1969, с. 151]. Благодаря этому флексия способна выступать не только в качестве словоизменительного, но и в качестве словообразовательного средства (форманта).

Флективное словообразование отглагольных существительных в литовском языке играет большую роль в пополнении его словарного запаса. Образованные этим способом производные рассматриваемого ряда могут иметь следующие значения.

1. Отвлеченного действия или какого-нибудь другого абстрактного понятия, связанного с действием:

<i>ūžti</i> „шуметь”	– <i>ūžis</i> „шум”,
<i>stign</i> „не хватать”	– <i>stygis</i> „недостаток, отсутствие”,

<i>juoktis</i> „смеяться”	– <i>juokas</i> „смех”,
<i>būti</i> „быть”	– <i>būvis</i> „бытие”,
<i>kirsti</i> „ударять”	– <i>kirtis</i> „ударение, удар”,
<i>šerti</i> „кормить (животных)”	– <i>šėrė</i> „кормление, кормежка”.

2. Агентивное значение (лица, животного, орудия и т. д.):

<i>sergėti</i> „стеречь”	– <i>sargas</i> „сторож”,
<i>terlioti</i> „пачкать”	– <i>terlius</i> „пачкун”,
<i>vadalotis</i> „слоняться”	– <i>vadala</i> „бродяга”,
<i>švilpti</i> „свистеть”	– <i>švilpis</i> „свисток”,
<i>nerti</i> „нырять”	– <i>naras</i> „водолаз”,
<i>dildyti</i> „ястачивать”	– <i>dildė</i> „напильник”.

3. Результат действия:

<i>grobti</i> „захватывать”	– <i>grobis</i> „добыча”,
<i>riekti</i> „резать хлеб”	– <i>riekė</i> „ломоть”,
<i>pjauti</i> „разрезать”	– <i>pjūvis</i> „разрез”,
<i>apkepti</i> „запечь”	– <i>apkepas</i> „запеканка”,
<i>padaryti</i> „создавать”	– <i>padaras</i> „создание”,
<i>rišti</i> „связать”	– <i>ryšys</i> „связь”.

4. Место действия:

<i>merkti</i> „замачивать”	– <i>marka</i> „мочило льна”,
<i>gulėti</i> „лечь, ложиться”	– <i>guolis</i> „постель, логовище”,
<i>bristi</i> „брести”	– <i>brvdis</i> „брод”,
<i>priglausti</i> „приютить”	– <i>prieglauda</i> „приют”,
<i>pereiti</i> „переходить”	– <i>perėja</i> „место перехода”,
<i>priplaukti</i> „причалить”	– <i>priplauka</i> „причал”.

Если в суффиксации в качестве форманта выступает деривационный суффикс, то во флективном словообразовании вышеуказанных отглагольных имен формантом является парадигма склонения слов этого лексико-грамматического разряда, представителем которой можно считать флексию основной (назывной) формы, так как соотношение между производящими и производными словами есть соотношение между их основными формами, в наиболее обобщенной форме выражающими лексическое и грамматическое в слове, а производные от них (маркированные) косвенные формы, которые выражают конкретные значения, соотносятся между собой лишь посредством форм основных [Жлуктенко, 1958]. Формирующиеся на основе общекатегориального значения субстантивности флексии отглагольного существительного частные значения, в отличие от словообразовательного суффикса, за нею не закрепляются: индивидуальные деklinационные парадигмы, используемые в качестве форманта, выражают лишь общекатегориальное значение и не специализируются в выражении частных деривационных

значений. Об этом свидетельствует тот факт, что производные от глаголов существительные в литовском языке, выражающие одно и то же частное значение, имеют разные парадигмы склонения. Так, существительные, обозначающие лицо, в назывных формах могут иметь окончания -as (I скл., напр., *tarnas* „слуга” — от глагола *tarnauti* „служить”), -us (IV скл., напр., *zaurius* „болтун, пустомеля”: *zauryti* „болтать”), -is или -ys (I скл., напр., *žliumbis* „плакса” — от *žliumbti* „древеть, всхлипывать”), флексию /ė (существительные женского рода II скл., напр., *zaurė* „болтуня”, *žliumbė* „ревунья”, *sargė* „сторожика”: *sargas* „сторож”), -a (существительные общего рода, относящиеся ко II скл., напр., *vėplā* „ротозей, разиня, зевака”: *vėpsoti* „зевать, ротозейничать”).

В то же время одна и та же конкретная парадигма (разновидность склонения существительных) может быть использована для образования производных с разными деривационными значениями. Так, при помощи флексии -ius, кроме имен лица, от глаголов образуются существительные со значениями отвлеченного понятия, связанного с действием (*virtis* „варка, кипячение”: *virtti* „варить”), и результата действия (*lykius* „остаток”: *likti* „оставаться”).

Вышеизложенные факты позволяют сделать следующие выводы.

Сравнение производных существительных английского и литовского языков показывает, что словоизменительная парадигма в них играет неодинаковую роль. Для английского языка, у которого средства морфологического оформления слова чрезвычайно бедны и у многих слов парадигма словоизменения вообще отсутствует, характерно материальное совпадение слова с основой и в силу этого четкая выраженность в последней общекатегориального значения определенной части речи. Поэтому в конверсии парадигма выполняет не словообразовательную, а словоизменительную функцию, свидетельствуя о радикальном переосмыслении (транспозиции) производящей основы.

Из-за семантической незавершенности, аморфности основы в литовском и других языках флективного типа флексии здесь в безаффиксальном словообразовании присуща не только словореализующая (словоизменительная), но и словообразовательная функция, т. е. способность выступать в качестве деривационного средства.

В связи с этим вполне оправданным является использование двух разных терминов для обозначения безаффиксального словообразования: термин „конверсия” для английского языка и термин „флективное словообразование” для литовского и других языков того же типа.

Несмотря на существенные различия суффиксации, с одной стороны, и безаффиксальной деривации (конверсии, флективного словообразования), с другой, результатом их могут быть производные, хотя и различающиеся по своей структуре, но имеющие одинаковые словообразовательные значения, категориальные и частные. Такие производные

отличаются по способу выражения в них этих значений. В то время как в суффиксации носителем деривационных значений является суффикс, в конверсии они не требуют формальных средств выражения внутри слова, а выражаются непосредственно самой безаффиксальной производной основой и выявляются из словообразовательной оппозиции. Во флективном словообразовании словообразовательное средство является носителем лишь общекатегориального значения производного. На базе этого значения формируются частные значения, обусловленные семантикой основы и нормой языка, которые, однако, за флексией (парадигмой словоизменения) не закрепляются и как при конверсии не требуют обязательного формального выражения внутри слова.

ON CONVERSION AND INFLECTIONAL DERIVATION

V. ANGLICKAS

Summary

The study of English and Lithuanian non-affixal deverbal nouns shows that conversion in English and inflectional derivation in Lithuanian are two different ways of word-formation. The creation of a word through conversion involves the formation of a new word stem without using any formal means within the word, the inflection having the only function – that of distinguishing between different words and forms. In Lithuanian a new word may be coined through change of the paradigm, one and the same stem being used for the formation of categorically different words.

ЛИТЕРАТУРА

Urbutis, 1978 – Urbutis V. Žodžių darybos teorija. – V., 1978.

Жлуктенко, 1958 – Жлуктенко Ю. А. Конверсия в современном английском языке как морфолого-синтаксический способ словообразования. – ВЯ, 1958, № 5.

Иванова, 1969 – Иванова И. П. О словореализующей функции аффиксальных морфем в английском языке. – В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л., 1969, вып. 2, с. 150–152.

Кубрякова, 1974 – Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия. – ВЯ, 1974, с. 64–77.

Смирницкий, 1953 – Смирницкий А. И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. – ИЯШ, 1953, № 5, с. 21–31.

Смирницкий, 1956 – Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. – М., 1956.

Шяуляйский педагогический институт
им. К. Прейкша
Кафедра языков

Вручено
30 декабря 1984 г.